

ДРАКУЛА
Брэм Стокер

Перевод Татьяны Красавченко

МИО

Вечные истории

Брэм Стокер

ДРАКУЛА

Перевод с английского Татьяны Красавченко

Москва
«Манн, Иванов и Фербер»
2023

УДК 821.111.1-31(417)

ББК 84(4Ирл)-44

С81

Стокер, Брэм

С81 Дракула / Брэм Стокер ; пер. с англ. Т. Красавченко. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2023. — 512 с. — (Вечные истории).

ISBN 978-5-00214-040-4

Впервые опубликованный еще в 1897 году, роман «Дракула» остается актуальным и по сей день. История вампира из Трансильвании, сплетенная из вымысла и реальных исследований Брэма Стокера, открывает нам грани темной и светлой сторон человеческой природы, а также поднимает тему извечного противостояния добра и зла.

УДК 821.111.1-31(417)

ББК 84(4Ирл)-44

Литературно-художественное издание
Вечные истории

Стокер Брэм

Дракула

Руководитель редакционной группы

Анна Неплюева

Ответственный редактор

Дарина Андреевна

Арт-директор *Яна Паламарчук*

Иллюстрация обложки *Selcha Uni*

Верстка *Владимир Снеговский*

Корректоры *Анна Быкова,*

Лилия Семухина

В оформлении макета использованы
изображения по лицензии Shutterstock.com.

ООО «Манн, Иванов и Фербер»

123104, Россия, г. Москва,

Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2

mann-ivanov-ferber.ru

vk.com/mifbooks

Все права защищены

Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00214-040-4

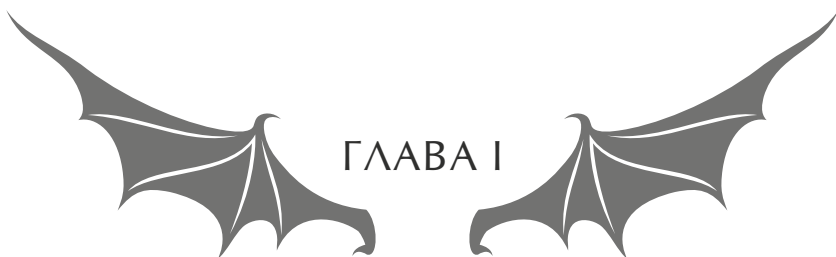
© Красавченко Т., перевод
на русский язык, 2023

© Оформление. ООО «Манн,
Иванов и Фербер», 2023

Моему дорогому другу Хомми Бегу¹

Прочитав книгу, вы поймете, как она создавалась. В ее основе — записи о непосредственно происходивших событиях, представленных с точки зрения и в пределах понимания их участников. Все изложено именно так, как было, хотя ныне кажется невероятным.

ГЛАВА I

Дневник Джонатана Гаркера (сохранившийся в стенографической записи)

Выехал из Мюнхена в 8:35 вечера 1 мая и ранним утром следующего дня был в Вене; поезд вместо 6:46 пришел на час позже. Поэтому в Будапеште время стоянки предельно сократили, и я боялся отойти далеко от вокзала; из окна вагона и после небольшой прогулки по улицам город показался мне очень красивым. Такое чувство, будто покидаешь Запад и встречаешься с Востоком; самый западный из великолепных мостов² через необычайно широкий и глубокий в этом месте Дунай перенес нас в мир, еще сохраняющий следы турецкого владычества.

Из Будапешта мы выехали почти по расписанию и с наступлением темноты прибыли в Клаузенбург³, где я остановился в гостинице «Ройал»*. На обед или, вернее, на ужин подали цыпленка, оригинально приготовленного с красным перцем, очень вкусного, но после него хотелось пить. (Не забыть взять рецепт для Мины.) Официант сказал, что это национальное блюдо *parrika hendl*** и что в Карпатах его

* «Королевская» (англ.). Здесь и далее примечания переводчика.

** Курица с паприкой (нем.).

подают везде. Мое скромное знание немецкого здесь очень пригодилось; просто не знаю, как бы я без него обходился.

В последний раз в Лондоне у меня осталось немного свободного времени, и я побывал в библиотеке Британского музея — полистал книги о Трансильвании, посмотрел ее географические карты, понимая, что некоторые познания об этой области будут нелишними в моем общении с трансильванским аристократом Дракулой, к которому мне надо было вскоре выехать по делам. Я выяснил, что он живет на самом востоке страны, на границе трех областей: Трансильвании, Молдавии и Буковины; в глубине Карпат — в одном из самых малоизвестных и наименее тронутых цивилизацией мест Европы. Однако ни по картам, ни по другим источникам не удалось установить, где именно расположен замок Дракулы, — подробных карт этой области, сравнимых с картами нашего Британского государственного картографического управления, до сих пор нет. Но я узнал, что упомянутая графом Дракулой Бистрица, почтовый городок, — место довольно известное. Хотел бы кое-что пояснить: потом, когда я буду рассказывать Мине о своем путешествии, эти заметки помогут мне лучше все вспомнить.

В Трансильвании живут в основном четыре народа: на юге — саксонцы попеременно с потомками даков, валахами; на западе — мадьяры; на востоке и севере — секлеры⁴. Я нахожусь среди секлеров, считающих своими предками Аттилу и гуннов. Возможно, так оно и есть: когда мадьяры в XI веке завоевали эту область, она была заселена гуннами.

Я читал, что все существующие на свете суеверия сосредоточились в подкове Карпатских гор, как будто эта местность — эпицентр некоего водоворота фантазии. Если действительно так, то мне здесь будет интересно. (Не забыть поподробнее расспросить об этом графа.)

Спал я плохо, и, хотя постель была довольно удобной, мне снились какие-то странные сны — может быть, оттого, что всю ночь под окном выла собака, или же из-за острой пищи. Выпил целый графин воды, и все равно мучила жажда. Под утро заснул, и, видимо, крепко, потому что проснулся от настойчивого стука в дверь — наверное, долго не могли добудиться.

На завтрак заказал еще паприку, мамалыгу (это такая каша из кукурузной муки) и баклажаны, начиненные мясным фаршем, — замечательное блюдо, называется «имплетата». (Надо взять и его рецепт.)

С завтраком пришлось поторопиться: поезд отправлялся около восьми, вернее, должен был отправиться в это время. Примчавшись на станцию в половине восьмого, я больше часа просидел в вагоне, прежде чем состав тронулся с места. Мне кажется, чем дальше на восток, тем поезда менее пунктуальны. Интересно, а как с этим обстоят дела в Китае?

Весь следующий день мы бездельничали, любуясь из окна вагона прекрасными пейзажами. Мимо проносились городки и замки на крутых холмах, точно сошедшие с гравюр старинных молитвенников. Судя по широким каменистым берегам, окаймляющим реки и ручьи, тут бывали большие паводки — так очертить сушу могут только мощные потоки воды.

На каждой станции толпились пестро одетые люди. Некоторые из них, совсем как крестьяне на моей родине или во Франции и Германии, были в коротких куртках, круглых шляпах и домотканых штанах, другие смотрелись живописнее. Издали женщины казались красивыми, вблизи же выглядели бесформенными и неловкими в нарядах с пышными белыми рукавами разных фасонов; на многих были пояса с обилием оборок, колышущихся наподобие балетных пачек, и, конечно, на всех — нижние юбки. Но самое

странное впечатление своим нецивилизованным видом производили словаки в больших ковбойских шляпах, мешковатых грязно-белых штанах, заправленных в высокие сапоги, белых холщовых рубашках и чудовищных размеров, почти в фут шириной, кожаных поясах, густо усеянных медными заклепками. Длинноволосые, с густыми темными усами, словаки, несомненно, живописны, но к себе не располагают. На сцене их можно было бы показывать как шайку восточных разбойников из давнего прошлого, однако мне говорили, что они совершенно безобидны и этот их вид, вероятно, естественная форма самоутверждения.

К вечеру мы добрались до Бистрицы, оказавшейся очень интересным старинным городком. Расположен он буквально на границе (от него ущелье Борго ведет прямо в Буковину) и в прошлом жил весьма бурной жизнью, следы которой, пожалуй, видны и ныне. Пятьдесят лет назад в городке было много пожаров, в пяти случаях просто опустошивших его. В самом начале XVII века он выдержал трехнедельную осаду и потерял тринадцать тысяч человек — убитыми и умершими от голода и болезней.

Граф Дракула в своих письмах рекомендовал мне гостиницу «Золотая корона», которая оказалась достаточно старомодной, что не могло не порадовать, ведь мне, конечно же, хотелось узнать как можно больше об обычаях и укладе жизни этого края. Видимо, моего приезда ждали: в дверях меня встретила приветливая, уже немолодая женщина в традиционном крестьянском платье — белой юбке с кокетливо обтягивающим ее двойным длинным передником из цветной ткани. Она поклонилась и спросила:

— Господин англичанин?

— Да, — ответил я, — Джонатан Гаркер.

Женщина приветливо улыбнулась и что-то сказала стоявшему за ней пожилому мужчине в белом жилете. Он тут же

вышел, а когда мгновение спустя вернулся, в руке его было письмо...

Мой друг, добро пожаловать в Карпаты. С нетерпением жду Вас. Сегодня хорошо выспитесь. Завтра в три дилижанс отправится в Буковину; в нем Вам заказано место. На перевале Борго будет ждать мой экипаж, он и доставит Вас ко мне. Надеюсь, Ваше путешествие из Лондона протекает благополучно и пребывание в моем прекрасном крае окажется для Вас приятным.

*Ваш друг
Дракула*

4 мая

Хозяин гостиницы, сообщив мне, что получил письмо от графа с просьбой заказать для меня лучшее место в дилижансе, на мои расспросы не отвечал, делая вид, что не понимает моего немецкого. Какое лукавство — до этого он прекрасно все понимал; по крайней мере отвечал на мои вопросы. Теперь же он и его жена, та пожилая женщина, что встретила меня, испуганно переглядывались. Он промямлил, что с письмом получил деньги и больше ему сообщить нечего. На вопросы о том, встречал ли он графа Дракулу и не может ли рассказать мне что-нибудь о его замке, хозяин гостиницы и его жена лишь перекрестились и от дальнейших расспросов уклонились.

Уже совсем скоро надо было отправляться в путь, и я не успевал расспросить еще кого-нибудь, а все выглядело загадочно и начинало меня тревожить.

Перед самым отъездом ко мне в комнату вошла взволнованная жена хозяина:

— Вам обязательно нужно ехать? О сударь, неужели это так необходимо?

Она была в таком возбуждении, что, изрядно растеряв свой и без того небольшой запас немецких слов, смешивала их со словами другого, незнакомого мне языка. Я понял ее лишь потому, что сам задавал вопросы. Когда я сказал, что должен ехать немедленно — у меня важное дело, — она спросила:

— Да знаете ли вы, какой сегодня день?

Я ответил:

— 4 мая.

Она покачала головой:

— Да это-то ясно! Но знаете ли вы, что́ это за день? — И, заметив мое недоумение, пояснила: — Канун святого Георгия. Неужели вам не известно — сегодня, когда часы пробьют полночь, вся нечисть этого мира получит власть на земле? Вы хоть знаете, куда едете и что вас ждет?

Было видно, что она очень расстроена, и все мои попытки успокоить ее оказались безуспешными. В конце концов она упала передо мной на колени и умоляла не ехать или хотя бы отложить поездку на день-другой. Это выглядело довольно нелепо, и все же мне стало не по себе. Но дело есть дело, ничто не могло остановить меня. Я бросился к ней, помог подняться и, поблагодарив за заботу, как можно решительнее сказал, что надо ехать, — таков мой долг. Тогда она встала, вытерла глаза и, сняв с себя крест, попросила меня надеть его. Я не знал, как мне быть: я принадлежу к Англиканской церкви и привык относиться к таким проявлениям веры как к идолопоклонству, но мне не хотелось обижать отказом пожилую женщину, исполненную самых благих намерений. Видимо, почувствовав мои колебания, она сама надела крест мне на шею и, сказав: «Носите его ради вашей матери», вышла из комнаты.

Делаю записи в дневнике в ожидании дилижанса, который, конечно же, запаздывает; крест так и остался у меня на шее. То ли мне передался страх хозяйки гостиницы, то ли вспомнились рассказы о привидениях в этих краях, а может быть, крест тому виной — не знаю, но на душе у меня беспокойно. Если этот дневник попадет к Мине раньше, чем мы увидимся, пусть он станет залогом нашей скорой встречи. А вот и дилижанс!

5 мая. Замок

Утро было пасмурным, но вскоре яркое солнце появилось над горизонтом, который выглядит зубчатым из-за деревьев или холмов, — издали не различишь. Спать не хочется, и, поскольку будить меня не станут, я намерен писать, пока не усну. Произошло много странного, и, чтобы читатель дневника не подумал, что я слишком плотно поужинал в Бистрице и поэтому у меня галлюцинации, подробно опишу свой ужин. Мне подали блюдо под названием «разбойничье жаркое»: куски бекона и говядины с луком, приправленные красным перцем, нанизывают на прутья и жарят прямо на огне, совсем как конину в Лондоне! Я пил вино «Золотой медиаш». Оно необычно пощипывает язык, но приятное. Выпил лишь пару бокалов, и всё.

Когда я сел в дилижанс, кучера еще не было на козлах. Он разговаривал с хозяйкой гостиницы — наверное, обо мне: оба то и дело на меня поглядывали; несколько человек, сидевших у двери на скамейке (ее здесь называют «сплетницей»), подошли к ним, прислушались и стали тоже посматривать в мою сторону, в основном сочувственно. В толпе были люди разных национальностей — до меня доносилось множество повторяющихся, странно звучащих слов; я потихоньку достал из сумки свой «Полиглот» и нашел там некоторые слова. Не могу сказать, что они меня

порадовали: среди них были *ordog* — «дьявол», *rokol* — «ад», *slregoica* — «ведьма», *vlokok* и *vlkoslak* — на сербском и словацком означающие одно и то же, что-то вроде оборотня или вампира. (Нужно будет расспросить графа об этих суевериях.)

Наконец дилижанс тронулся. Все столпившиеся у входа в гостиницу — а к этому моменту народу собралось довольно много — перекрестились и указали двумя пальцами в мою сторону. Мне с трудом удалось добиться от одного из попутчиков, что это значит. Сначала он не хотел отвечать, но, узнав, что я англичанин, объяснил: это особый жест защиты от дурного глаза. И хотя мне стало не по себе, ведь ехал я в незнакомое место к незнакомому человеку, однако доброжелательность, искреннее сочувствие этих людей меня тронули. Никогда не забуду картину: гостиничный двор, у широких ворот под аркой живописная толпа, все крестятся, а в глубине видны густые заросли олеандра и апельсиновые деревья в зеленых кадках. Потом наш кучер, заполонивший своими широкими холщовыми штанами, называемыми здесь «готца», все сиденье на кóзлах, щелкнул длинным кнутом над четырьмя маленькими лошадками — и те дружно взяли с места.

Любуясь красотами природы, вскоре я совершенно забыл о своих смутных опасениях; возможно, если б мне был известен язык или, вернее, языки, на которых говорили мои попутчики, я не смог бы так отвлечься. Перед нами расстилалась зеленая, покрытая рощами и густыми лесами местность, вдали вздымались высокие холмы, увенчанные островками деревьев или фермами, белые остроконечные фронтоны которых были видны с дороги. Поражало изобилие цветущих фруктовых деревьев — яблонь, слив, груш, вишен; видно было, что трава под деревьями усыпана лепестками. Наш путь, изгибаясь, теряясь в зелени, появляясь на опушках сосновых лесов, сбегавших по склонам, как

языки пламени, пролегал меж зеленых холмов Mittel Land*, как здесь ее называют. Дорога была неровная, но мы мчались по ней с лихорадочной скоростью. Тогда я не понимал причины этой гонки, но кучер явно спешил и хотел добраться до ущелья Борго как можно скорее. Очевидно, дорогу еще не успели привести в порядок после зимы; мне говорили, что летом она в отличном состоянии и существенно отличается от других карпатских дорог, о которых по старой традиции не слишком-то заботятся. Раньше господа⁵ предпочитали не чинить их, опасаясь, как бы турки не усмотрели в этом намерения облегчить доступ войскам союзников — это могло привести к развязыванию войны, вероятность которой всегда была велика.

За зелеными крутыми холмами Mittel Land величественно возвышались Карпаты, покрытые могучими лесами. Горы вздымались по обе стороны дороги, и после полудня солнце ярко освещало все великолепие красок этой изумительной горной цепи: темно-синие и пурпурные гребни, зеленую и коричневую траву на скалах и бесконечную вереницу зубчатых скал и острых утесов, терявшихся вдаль, где царственно высились снежные пики. Кое-где виднелись громадные расселины, и в лучах клонившегося к закату солнца серебрились струи водопадов. Один из спутников тронул меня за руку, когда мы обогнули подножие холма, а после гонки по серпантинной дороге открылся вид на величественную снежную горную вершину, возникшую как бы прямо перед нами:

— Посмотрите! Isten szek! Обитель Бога!

И он благоговейно перекрестился.

Мы продолжали наше, казалось, нескончаемое путешествие по извивающейся дороге, а солнце позади нас опускалось все ниже и ниже; начали сгущаться сумерки. Они

* Средней земли (нем.).

особенно ощущались по контрасту с еще освещенной заходящим солнцем снежной вершиной, окрашенной нежным розовым цветом. Время от времени мы встречали местных жителей — чехов и словаков — в живописных одеждах. Я заметил, что многие из них страдают зубом. Вдоль дороги было много крестов, и при виде их мои спутники часто крестились. Порою перед распятиями стояли на коленях крестьянин или крестьянка, так глубоко погруженные в молитву, что не реагировали на наше приближение, — казалось, они не замечали ничего вокруг. Многое здесь было мне в диковинку: например, скирды сена на деревьях, дивные островки плакучих берез — их белые стволы мерцали серебром сквозь нежную зелень листвы. То и дело нам встречались *leiter-wagon** — примитивные, длинные змеевидные крестьянские арбы, рассчитанные на ухабы. На них размещалось довольно много возвращавшихся домой крестьян: чехов — в белых и словаков — в крашенных тулупах; словаки держали, как копья, свои топоры с длиннющими топориками.

С наступлением вечера становилось холоднее, сгущавшиеся сумерки окутывали непроглядной пеленой купы деревьев — дубов, буков, сосен, хотя в долинах, пролегавших меж отрогов холмов на нашем пути вверх по ущелью, на фоне залежавшегося снега четко вырисовывались темные ели. Иногда дорога проходила через сосновый бор, и казалось, что могучие ветви смыкаются над нами; тогда непроглядный мрак производил особенно таинственное и зловещее впечатление, вновь невольнo вызывавшее жуткие мысли и фантазии, уже приходившие на ум раньше, когда в лучах заходящего солнца возникали похожие на призраки облака, бесконечной чередой несущиеся над карпатскими долинами.

* Телега с решетчатыми бортами; арба, фура (*нем.*).

Холмы местами были такими крутыми, что, несмотря на все старания кучера, лошади могли двигаться только шагом. Я хотел сойти и, как это принято у меня на родине, взять их под уздцы и повести шагом, но кучер об этом и слышать не хотел.

— Нет, нет, — возразил он, — вам не следует здесь ходить, тут полно свирепых собак. — И, обернувшись к остальным пассажирам, добавил, явно рассчитывая на одобрение своей мрачной шутки: — Сдается мне, вас ждет еще немало сюрпризов, прежде чем вы ляжете спать.

Остановился он лишь однажды — чтобы зажечь фонари.

Когда стемнело, пассажиры заволновались и один за другим стали просить кучера ехать быстрее. Безжалостными ударами длинного кнута и дикими криками он погнал лошадей, они помчались во весь опор. Потом в темноте я увидел впереди полосу серого света — будто холмы расступились. Волнение среди пассажиров нарастало; шаткий дилижанс подпрыгивал на высоких рессорах и раскачивался во все стороны, как шхуна в бурном море. Мне пришлось крепко держаться. Затем дорога выровнялась, мы словно летели по ней. Горы обступили нас вплотную и, казалось, излучали неприязнь; мы въехали в ущелье Борго.

Некоторые попутчики предложили мне подарки, да так настойчиво, что отказаться было невозможно: подарки эти, необычные и разнообразные, преподносились искренне и сопровождались добрым словом и жестами, которые я уже наблюдал у гостиницы в Бистрице: дарители крестились и отмахивались от дурного глаза. А тем временем мы мчались дальше, кучер подался всем телом вперед, а пассажиры, высунувшись из дилижанса, всматривались в темноту. Впереди происходило или ожидалось что-то необычайное, но, как я ни расспрашивал попутчиков, никто мне ничего не объяснил. Всеобщее волнение нарастало до тех пор, пока мы наконец не увидели перевал, открывавший дорогу

на восточную сторону. Клубившиеся над головой тучи и духота предвещали грозу. Казалось, горная цепь была границей, за которой мы попали в грозовую атмосферу.

Я вглядывался в дорогу в ожидании экипажа, который должен был отвезти меня к графу, каждую минуту надеясь увидеть свет фонарей, но впереди было темно. Единственным источником света оставались наши собственные фонари, раскачивавшиеся из стороны в сторону; в их неверных лучах белым облаком подымался пар от уже изрядно уставших лошадей. Можно было разглядеть песчаную дорогу — и никаких признаков экипажа на ней. Пассажиры откинулись на сиденья со вздохом явного облегчения, словно в насмешку над моим разочарованием. Я уж было призадумался, что предпринять, как вдруг кучер, посмотрев на часы и обращаясь к другим пассажирам, что-то тихо проговорил. Я не расслышал, что именно; кажется, это было:

— На час раньше времени.

Потом повернулся ко мне и сказал на плохом немецком:

— Нет никакой кареты. Похоже, господина не встречают. Ему лучше поехать с нами на Буковину, а вернуться завтра или послезавтра, лучше послезавтра.

Пока кучер говорил, лошади начали ржать, фыркать, вставать на дыбы — он изо всех сил удерживал их. Вдруг под крики то и дело крестившихся пассажиров нас догнала коляска, запряженная четверкой лошадей и, поравнявшись с нами, остановилась вплотную к дилижансу. Свет наших фонарей упал на коляску, и я увидел великолепных породистых вороных. На козлах сидел высокий человек с длинной темной бородой, в широкой черной шляпе, скрывавшей его лицо. Он повернулся к нам — я заметил лишь блеск его глаз, показавшихся мне красными в свете фонарей, — и сказал кучеру:

— Что-то ты сегодня рано, мой друг.

Кучер ответил, запинаясь:

— Господин англичанин подгонял.

На что незнакомец возразил:

— Поэтому ты, наверное, и советовал ему ехать на Буковину. Меня не обманешь, друг мой, слишком многое ведомо мне, да и лошади у меня резвые.

Говоря это, он улыбался, и фонари освещали его жестко очерченный рот, ярко-красные губы и острые зубы, белые, как слоновая кость. Тут один из моих попутчиков прошептал соседу строку из «Леноры» Бюргера:

— Denn die Toden reiten schnell!*

Странный возница явно расслышал эти слова и взглянул на говорившего с торжествующей улыбкой. Пассажир отвернулся, осенил себя крестным знамением и оттопырил два пальца.

— Поддай-ка мне багаж господина, — бросил возница кучеру, и мои вещи с чрезмерным рвением были перенесены из дилижанса в коляску.

Она стояла бок о бок с дилижансом, и возница помог мне перебраться в нее, подхватив меня под руку стальной хваткой; должно быть, он обладал необычайной силой. Не говоря ни слова, он тряхнул поводьями — четверка вороных повернула, и мы помчались в темноту ущелья. Оглянувшись, я увидел поднимавшийся над лошадьми пар и на этом фоне моих недавних попутчиков — они крестились. Потом их кучер щелкнул кнутом, прикрикнул на лошадей — и они стремглав понеслись по дороге на Буковину.

Когда дилижанс канул в темноте, я ощутил легкий озноб и приступ одиночества; но на мои плечи тут же был накинут плащ, на колени — плед, а возница обратился ко мне на прекрасном немецком языке:

* Гладка дорога мертвецам (нем.).

— Ночь холодна, сударь, а мой хозяин, граф, просил как можно лучше позаботиться о вас. Под сиденьем — фляжка со сливовицей, нашим национальным бренди, на случай если вы захотите согреться.

Я не стал пить его, но было приятно сознавать, что живительная влага под рукой. Мне было не по себе — я был не на шутку напуган; думаю, будь у меня хоть какой-то выбор, я бы теперь, конечно, воспользовался им и отказался от этого чреватого неизвестностью ночного путешествия.

Коляска неумолимо неслась вперед, потом мы круто повернули и вновь помчались, никуда не сворачивая, по прямой дороге. Казалось, мы попросту кружим на месте; приметив один ориентир, я убедился, что прав. Хотел было спросить кучера, что это значит, но побоялся: в моем положении любой протест оказался бы бесполезен, если все это делалось умышленно. Вскоре я решил узнать, который час, зажег спичку и взглянул на часы — до полуночи оставалось несколько минут. Это весьма неприятно подействовало на меня; свойственный людям суеверный страх перед полночью лишь усилился после недавних впечатлений. Меня охватило тягостное предчувствие.

Где-то вдали, на ферме, завывала собака — долгий протяжный вой, будто от страха. Ее поддержала другая, затем еще одна и еще, пока их завывания, подхваченные поднявшимся в ущелье ветром, не слились в один дикий хор — казалось, выла вся огромная округа, насколько можно было представить ее себе во мраке ночи. Лошади, едва раздался вой, натянули поводья и встали на дыбы, но возница ласково заговорил с ними — и они успокоились, хотя покрылись испариной и продолжали дрожать, словно не могли опомниться от страха. Потом далеко в горах по обе стороны от нас раздался еще более громкий и пронзительный вой — теперь уже волчий, он подействовал и на лошадей, и на меня: я был

готов выпрыгнуть из коляски и бежать куда глаза глядят, а лошади взвились на дыбы и, как обезумевшие, рванулись вперед, вознице пришлось пустить в ход всю свою недюжинную силу, чтобы сдержать их.

Однако через несколько минут вой уже не казался таким пугающим, да и лошади настолько успокоились, что возница смог сойти с коляски и встать перед ними. Он оглаживал их, успокаивал, шептал им что-то на ухо — я слышал, так обычно поступают объездчики лошадей; эффект был поразительный — обласканные им, лошади присмирели, хотя и продолжали дрожать. Возница вернулся на кóзлы, тронул поводья — и мы помчались вперед. На этот раз, заехав глубоко в ущелье, он вдруг свернул на узкую дорогу, резко уходящую вправо.

Вскоре мы въехали в чащу: деревья нависали над дорогой, создавая арки, — мы оказались в своеобразном туннеле; а затем с двух сторон нас обступили хмурые утесы. Хотя мы были как в укрытии, до нас доносился шум разгулявшегося ветра, со стоном и свистом пронесившегося по утесам, ломавшего ветви деревьев. Становилось холоднее: наконец пошел мелкий, словно крупа, снег, покрывший нас и все вокруг белым одеялом. Сильный ветер еще доносил до нас вой собак, по мере нашего удаления он становился слабее. Зато волки выли еще ближе; они, казалось, окружали нас. Мне стало страшно, и лошади как будто бы разделяли мой испуг. Возница же не выказывал никакой тревоги — знай себе поглядывал по сторонам, а я ничего не различал в темноте.

Вдруг слева мне привиделся слабый мерцающий голубой огонек. В тот же миг его заметил и возница: он сразу остановил лошадей и, спрыгнув на землю, исчез во тьме. Я не знал, что делать, тем более что вой волков приблизился; но, пока я недоумевал, мой провожатый вернулся и, не говоря ни слова, сел на свое место, и мы поехали

дальше. Я, должно быть, задремал, и мне все время снился этот эпизод: он повторялся многократно. И теперь, когда я вспоминаю нашу поездку, она кажется мне чудовищным кошмаром. Как-то раз голубой огонек возник так близко к дороге, что я смог в кромешной тьме, окутывавшей нас, разглядеть, что делал возница. Он быстро подошел к тому месту, где появился огонь — видимо, очень слабый, потому что почти не освещал ничего вокруг, — и, собрав несколько камней, что-то соорудил из них. Другой раз наблюдался странный оптический эффект: возница, оказавшись между мной и огнем, не загородил его собой — я все так же, как бы сквозь него, видел призрачный голубой свет. Удивлению моему не было предела, но длилось это всего миг, и я решил, что тут какой-то обман зрения, вызванный напряженным всматриванием в темноту. Потом голубые огни на время исчезли, мы быстро ехали сквозь тьму под аккомпанемент воя волков, которые, казалось, преследовали нас.

Однажды кучер довольно далеко отошел от коляски, и в его отсутствие лошади начали дрожать сильнее прежнего, фыркать и тревожно ржать. Я не мог понять причину — волчий вой совсем прекратился; вдруг при свете луны, которая появилась из-за темных облаков над зубчатым гребнем поросшего соснами утеса, я увидел вокруг нас кольцо волков с белыми клыками, свисающими красными языками, длинными мускулистыми лапами и грубой шерстью. В своем зловещем молчании они были во сто крат страшнее, нежели когда выли. Страх парализовал меня. Лишь сам испытал такой ужас, человек способен понять, что это такое.

Вдруг волки опять завывали — будто лунный свет как-то особенно подействовал на них. Лошади брыкались, вставали на дыбы, беспомощно косились по сторонам выкатившимися из орбит глазами — на них было больно смотреть; живое кольцо ужаса окружало их со всех сторон, и вырваться они не могли. Я стал звать возницу, понимая, что единственный